

1. Маклюзи М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
2. Барт Р. Мифологии. М., 2000.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.

Н.Ю. Мочалова
Нижний Тагил

ОНТОЛОГИЯ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ: ТОЖДЕСТВО ИНТЕР- И ИНТРАСУБЪЕКТИВНОСТИ

Противопоставление друг другу родового и индивидуального существования человека обнаруживается во всех аналитиках научного знания. Это не случайно, ибо это противопоставление двух онтологий имеет солидную тысячелетнюю традицию обыденного, философского и научного эмпиризма.

Тысячелетия назад в родовых общинах в строгом ритуале их бытия господство родовых представлений над индивидуальными переживаниями мира было настолько естественно, что отдельный индивид буквально не отделял себя от родовой общности: он знал и умел ровно столько, сколько и любой другой соплеменник. У него не было необходимости употреблять местоимение первого лица единственного числа. Этнологи, антропологи, культурологи свидетельствуют: в языках примитивных народов чаще всего отсутствует личное местоимение «я», на обращенный вопрос интересующегося: «Кто ты?» вы непременно услышите: «Мы...» (далее следует название тотема). В интерсубъективной реальности той культуры образы современников, образы умерших предков, образы-символы растений, животных, значимых мест и событий существовали в равной актуальной значимости.

Это непосредственное тождество интер- и интрасубъективности вместе с тем хранило и начало их особенности, некое противоречие. Ведь различные субкультуры вышли из совместно переживаемой сплошности общей культуры.

Но лишь в Новое время противостояние «я» и «мы» достигло своего полного развития в торжествующем индивидуализме. В это время вещный мир и мир души прочно заняли позиции антагонизма. Каждый одинок в жизни и смерти, болезненно психологически переживая отстраненность не только от мира природы, других людей, от предметов и средств жизни, но и от тела своего.

Теоретическое осознание онтологии сверхчувственной сущности языка и текстовой культуры как возможности существования особой надиндивидуальной реальности, случайные всплески которой образуют сознание и самосознание, потребовало специального исследования этой реальности. Оно и было осуществлено мощным арсеналом естественных и искусственных языков. В русле этой онтологии можно констатировать: все средства общения людей, прежде всего естественные языки, а на их базе — все остальные, есть не что иное, как овнешненная речью и тем объективированная своей всеобщей формой реальность интимно-субъективного переживания индивидами своего бытия. Любой реализуемый речью фрагмент языка не только личное переживание и мысль, но и некая иная культурная реальность. Форма ее бытийности является внешней по отношению к актуальному себячувствованию, самосознанию. Именно эта реальность, состоящая из личных смыслонесущих аффектов, порождает мотивы и смыслы обращений к другому и к самому себе.

Форма обращений людей друг к другу и к самим себе хранит на протяжении веков их смысловую связность и сопричастность. Это позволяет в любой самой экзотической этнической культуре воспроизводить образный строй смыслов и смыслы образов культуры. Принадлежа субъективности общечеловеческого самосознания, указанная аксиологическая реальность абсолютно объективна.

Форма человеческой субъективности не может быть безразличной, равнодушной к процессу творения новых образов и смыслов. Это порождающая самодостаточная сила человеческого познания и самопознания обеспечивает тождество интер- и интрасубъективности, служит опорой всех здесь и теперь рождающихся и возрождающихся смыслов и эмоций. Для каждого из нас эта форма — всеобщая и необходимая, а по содержанию — априорная любому индивидуальному капризу мышления, чувств и поступков. Такова онтология человеческой субъективности.

Все философы — создатели своего особого видения мира и человека, видения, претендующего на абсолютную всеобщность, — исходили из общего и изначального для них всех допущения такой онтологической предпосылки всех деяний и проблем человека, как произвольность и целесообразность его чувственности. Все, кроме тех, кто в угаре сциентизма XX века поспешил

отринуть от себя философские метафизические основания, провозгласив, что наука — сама себе философия, решающая проблемы экспериментально.

Иммануил Кант утверждал априоризм трансцендентального единства общения мира внутреннего и внешнего — саму способность человека образовывать пространственно-временные формы собственного вчувствования во внешний мир. Этим он объяснял способность человеческой субъективности и жизнедеятельности вносить в мир «вещей-в-себе» смыслонесущий порядок. Но он не связывал себя обязательством прояснить данный факт [1].

Интересно, что Р. Карнап основанием иерархии логических и языковых каркасов человеческой субъективности назвал «язык вещей», выделив тем самым как субъективно значимое не объективные признаки отличия каждой вещи, а их «лексические значения» [2].

Идеализация бытия имеет одну суть в разных вариациях своего воплощения. Эти универсальные основания общей культуры, воспроизводимые в индивидуальном инварианте ментальности именуются архетипами, устойчивыми метасхемами, передающими и сохраняющими как интер-, так и интрасубъективность бытия. Наиболее полно и значимо раскрыто содержание этой взаимосвязи в бытии художественной реальности. Эта сокровеннейшая сфера человеческого творчества, в отличие от научного как более рафинированного, свободного от черт уникальной особенности, являет пример индивидуального самовыражения как одновременно отражение общечеловеческого.

Таким образом, онтология теории культуры — реальное динамическое творчество интер- и интрасубъективности: реальный процесс «идеализации» условий, предметов, средств, идей, переживаний, мыслей, подсознания во внешнем объективном мире вещной культуры. Герменевтическая разгадка феномена культуры — раскодировка человеческой субъективности и чувственности, имеющая не только личностный, но и общечеловеческий смысл.

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. Т. 3. М., 1997.
2. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.